

И. Виноградов

**Преосвященнейший Иеремия, епископ
Нижегородский, и воспоминания его о
преосвященнейшем Иннокентии,
архиепископе Херсонском и Таврическом**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Виноградов**
Преосвященнейший Иеремия, епископ Нижегородский, и воспоминания его о преосвященнейшем Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом / И. Виноградов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 142 с.

ISBN 978-5-458-12075-3

ISBN 978-5-458-12075-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

2

**Преосвященнѣйшій Іеремія, бывшій Епископъ
Нижегородскій. Его біографія, кончина, погребеніе
и посмертное завѣщаніе.**

1884 года, декабря мѣсяца, 6-го числа, въ 11½ часовъ дня, въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ скончался Преосвященнѣйшій Іеремія, бывшій Епископъ Нижегородскій (1851—1857), съ 1857 года пребывавшій на покоѣ—сперва въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, потомъ -- въ Городецкомъ Теодоровскомъ—Балахнинскаго уѣзда — и, наконецъ, въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

Въ Бозѣ почившій Святитель, благословенный отъ Господа долгою дней, рѣдкою въ наше время, 85½ лѣтъ—было житія Его земнаго, отъ лѣтъ дѣтства и до самой блаженной кончины своей отличался своею подвижническою жизнію, незнавшею отдыха въ бдѣніи, постѣ и молитвѣ, своею ревностію о славѣ Божіей, о благѣ церкви и отечества, своею нестяжательностію и самоотверженною любовію къ ближнимъ, готовою придти на помощь и къ беспомощной старости, и къ безпріютному сиротству дѣтей, и къ безъисходному горю несчастныхъ, и ко всякой нуждѣ церковной, общественной и частной, особенно тамъ, гдѣ потребность на покрытіе той или другой нужды вызывалась необходимостію

поддержанія и устроенія Храмовъ Божіихъ, иноческихъ обителей, учебныхъ заведеній, духовныхъ и гражданскихъ, для воспитанія въ нихъ учащихся, въ духѣ православія и патріотизма, какъ будущихъ дѣлателей на поприщѣ непостыднаго пастырства и доблестнаго гражданства. Это былъ предъизбранный и, съ ранней юности, Богомъ уготованный, живой сосудъ въ честь, исполненный благодатнаго свѣта и елея, упоминаемыхъ въ святомъ Евангеліи. Это былъ свѣтильникъ горящій, свѣтящій и ближнихъ и дальнихъ теплотою Евангельскаго свѣта и любви, яже по Бозѣ, всѣхъ согревающей.

Преосвященный Іеремія родился въ 1799 году, 10 апрѣля, Орловской губерніи, Ливенскаго уѣзда, въ селѣ Георгіевскомъ, что на рѣкѣ Соснѣ, въ Донъ впадающей, отъ причетника Іоанна Яковлевича и жены его Маріи Теокистовны и названъ Иродіономъ. Первоначальное ученіе преподано было ему въ домѣ родителей. „Родители мои, пишетъ самъ Преосвященный въ своихъ воспоминаніяхъ, содержали и блюли меня съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ. Для меня установлена была общая, семейная молитва. Поставивъ меня на прилавокъ у святыхъ иконъ, заставляли читать по-часту акаѳистъ Сладчайшему Іисусу и Святителю Николаю. У матери моей не было иного наставленія, иной материнской слезной мольбы къ дитяти нѣжно любимому, какъ сіе: „молись, молись, всегда молись, молись втайнѣ, молись ночью, молись предъ всякимъ урокомъ своимъ и всякимъ дѣломъ“.

Въ 1808 году, 29 апрѣля, въ день преполовенія, отецъ и мать отрока Иродіона съ молитвою и слезами отвезли его въ г. Ливны къ діакону Игнатію для приготовленія къ поступленію въ Семинарію. Любовію, а паче по молитвамъ родителей, отрокъ Иродіонъ такъ хорошо и успѣшно былъ приготовленъ, что въ 1810

году поступилъ прямо въ 4-й классъ (синтаксисъ) семинаріи, находившейся въ городѣ Сѣвскѣ Орловской губерніи, въ которой въ 1819 г. кончилъ курсъ ученья со степенью студента. Молитва, уединенная въ березовой Сѣвской рощѣ и тайная, ночная, въ пустыхъ камерахъ, была любимѣйшимъ и усладительнымъ упражненіемъ ученика Иродіона Соловьева. Живая, открытая набожность его была противна нѣкоторымъ сверстникамъ, и они, понося его и лицемѣромъ, и ханжею, нерѣдко наносили ему побои по головѣ и взадъ, когда онъ поклонится низкимъ поклономъ. И оскорбленный юноша молился за своихъ оскорбителей въ рощѣ, между развѣсистыми березами. Его набожность, его примѣрное благонравіе обратили на себя вниманіе и мѣстнаго семинарскаго начальства, и бывшаго въ то время Орловскаго Преосвященнаго Досіея, который въ 21 день ноября 1814 года посвятилъ его въ чтеца и книгодержца.

По окончаніи семинарскаго курса, Иродіонъ Соловьевъ опредѣленъ былъ учителемъ Сѣвскаго духовнаго училища по греческому языку и инспекторомъ. Ректоромъ былъ тогда Геромонахъ Іаковъ, (впослѣдствіи Епископъ Саратовскій, а потомъ Нижегородскій), который сердечно полюбилъ своего юнаго сослуживца и своими частыми бесѣдами располагалъ и наклонялъ мысли его къ монашеству. Будучи въ цвѣтъ возраста, полный жизни и здоровья, 20 лѣтній юноша-инспекторъ и учитель почувствовалъ въ тайникѣ души своей страшную борьбу мыслей, чувствованій и намѣреній. Съ одной стороны — онъ чувствовалъ въ душѣ своей пламенное стремленіе въ монастырское уединеніе, съ другой — видѣлъ многообразныя ласки, услуги и предложенія со стороны міра, видѣлъ желаніе своихъ родителей видѣть его въ супружеской жизни и въ санѣ священника и, въ этой борьбѣ, не разъ взывалъ въ молитвѣ къ Господу: „Покажи ми, Господи, путь, въ онъ же пойду, яко къ тебѣ взяхъ, душу мою!“ Плодомъ сей святой борьбы было то, что юный борецъ

Христовъ живо почувствовалъ въ своей душѣ силу словъ Премудраго: суета суетъ и всяческая суета, — возымѣль ко всему мірскому охлажденіе, даже среди обаяній и веселостей міра, и рѣшилъ однимъ ударомъ порвать всѣ связи, всѣ сношенія съ міромъ... Нѣсколько разъ рѣшался даже тайно удалиться, оставивъ должность, всѣхъ и все... Но безъ совѣта съ людьми опытными, уже искусившимися въ подвигахъ иноческой жизни, приводить свое намѣреніе въ исполненіе считалъ не безопаснымъ для себя. А потому, какъ Никодимъ къ Господу ноцію, пошелъ онъ съ своими завѣтными думами къ нѣкому старцу Геннадію, славившемуся своею назидательностію и наставленіями: что речеть онъ о немъ и объ его пламенномъ стремленіи къ святому иночеству? Благочестивый старецъ, выслушавъ исповѣдь сердца пришедшаго юноши — учителя и инспектора, наизусть прочиталъ ему многія длинныя мѣста изъ писаній отеческихъ объ отшельнической жизни и тутъ же вручилъ ему свой посохъ — съ тѣмъ, чтобы юноша, не заходя въ квартиру свою, прямо отъ него — старца шель (это было зимою) въ Брянскія лѣса. Иродіонъ Соловьевъ былъ въ это время 21-го года; но, усмотрѣвъ не зрѣлость внушенія старческаго, преслушалъ оное. Между тѣмъ, нѣкая *тоска по отчизнѣ* всюду преслѣдовала этого избранника Божія. Чтобы скрыть ее отъ людей, въ обществѣ, надо было прибѣгать къ мѣрамъ притворства и нѣкотораго рода маскировки. Стремленіе скорѣе развязаться съ міромъ и вступить въ стѣны какой либо обители постоянно поддерживалось въ немъ мыслию о близости смерти. „Память смертная, говоритъ Преподобный Іеремія, была вложена въ меня матерью, съ самаго ранняго дѣтства. Отправляя меня въ семинарію съ родителемъ и, снабдивъ всѣмъ и на нужды и на утѣшеніе, не забывала вручить мнѣ мѣшечекъ копѣчекъ и кисейное полотенце. „Копѣчки, говорила она, раздай нищимъ, а полотенцемъ этимъ, въ случаѣ своей смерти, попроси накрыть себя во гробѣ“.

Три года учительства и инспекторства Иродіона Соловьева прошли для него, какъ время борьбы съ своими помыслами и привели его къ рѣшительному убѣжденію, что онъ долженъ послѣдовать единственно внутреннему влеченію своего сердца и оставить все... „Уволясь отъ учительства, говоритъ онъ, на нѣсколько мѣсяцевъ я поставилъ себя въ состояніе испытанія, вблизи къ соблазну и поползновенію для юности. Во время самоиспытанія занимался чтеніемъ святаго Златоуста, котораго слово къ Θεодору падшему наиболѣе пало на мое сердце и ходилъ такъ же къ Богослуженіямъ въ церковь, въ которую нѣкто Герасимъ (помяни его Господи!) приносилъ съ собою Бесѣды Михаила, Митрополита Петербургскаго, въ красной оберткѣ, чтобы священникъ произносилъ ихъ каждый праздникъ и воскресенье“. Повидимому, для любителя иноческой жизни, въ данное время, препятствій къ осуществленію его страстнаго желанія сдѣлаться инокомъ болѣе не существовало и не могло быть... Уволившись отъ всѣхъ должностей, онъ, какъ говорится, былъ вольная птица. Но на дѣлѣ вышло иное, вышло такъ, какъ и во снѣ не могъ представить себѣ отшельникъ — Иродіонъ Соловьевъ. Преосвященный Гавріиль, въ то время бывший Епископъ Орловскій (впослѣдствіи Архіепископъ Рязанскій) вспомнилъ, что одинъ изъ старшихъ учителей, именно онъ, Соловьевъ, еще не пристроенъ къ мѣсту и, отечески жалѣя его, прислалъ къ нему своего письмоводителя предложить священническое мѣсто въ г. Болховѣ, при Покровской церкви. Испытаніе неожиданное, предложеніе внезапное, а потому и борьба съ ними была не посильная для чело­вѣка, только что добровольно поставившаго себя въ положеніе самоиспытанія. „Не помысливъ,“ говоритъ Преосвященный въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ рукахъ имѣю и, увидѣвъ мѣсто и прочее, я съ благодарностію принялъ отъ Архипастыря и мѣсто и благословеніе на бракъ..., и отправился въ г. Болховъ. Здѣсь всматривался я въ приходъ, и въ сотоварищество, и въ будущее

семейное родство и, все облюбовавъ, я не прежде однако рѣшился приступить къ совѣщаніямъ о бракѣ, какъ помолясь въ Болховскомъ монастырѣ и отслуживъ молебенъ Царицѣ небесной, кушно съ будущими родными. По выходѣ изъ церкви, перешедъ чрезъ ровъ, отдѣляющій монастырь отъ города и, увидѣвъ обитель зеленѣющуюся, я плѣнился ею болѣе, нежели невѣстою, и, оставивъ всѣхъ, устремился въ чащу рощи... одинъ, чтобы прислушаться къ сердцу, и помолиться, и подышать вольнымъ воздухомъ. Молитва общая совершена, — къ ней и внутреннюю свою въ сугубой мѣрѣ я присококунилъ сію: Господи, покажи мнѣ путь, въ онъ же пойду..., покажи, и не даждь совратитися отъ того, что указуешь мнѣ втайнѣ, но понятно“... И Милосердый внялъ моленію его. Любовь къ иночеству такъ воздѣйствовала въ немъ, что, при общемъ въ предназначенномъ для брака домѣ жалѣніи и плачѣ, онъ, среди ночи, простился и пустился въ обратный путь въ мѣстопробываніе Преосвященнаго. И здѣсь, явившись къ Преосвященному Гавріилу, представилъ прошеніе объ опредѣленіи его послушникомъ въ Площанскую пустынь, съ возвращеніемъ брачнаго билета. Преосвященный удивился, но, узнавъ давнюю, постоянную рѣшимость просителя въ иночество, изволилъ на прошеніи написать: «*Грядущаго ко Мнѣ не иждену вонъ, глаголетъ Господь. Но просителя опредѣлить не въ пустынь Площанскую, а въ Брянскій, печерскій монастырь*».

Вотъ какъ описываетъ любитель иноческой жизни свое путешествіе въ назначенный для житія его Брянскій, печерскій монастырь и свое пребываніе въ немъ: „Въ мартѣ, поспѣшно, все бросивъ въ квартирѣ и взявъ въ кожаной котомкѣ двѣ рубашки, по грязному пути, съ посошкомъ въ рукѣ и съ запиской отъ упомянутаго Герасима къ іеромонаху Смарагду, я пустился въ путь (около 200 вер.) пѣшкомъ, тужа и радуясь, уповая и страшась, моляся и о пути, одинъ, съ воплемъ крѣп-

кимъ, и обуреваясь помыслами. Все пѣшешествіе, кажется, столько же орошалось слезами, сколько весеннимъ дождемъ. Тяжкая была туга на душѣ, при воспоминаніи о минувшихъ почтовыхъ разъѣздахъ и сравненіи ихъ съ настоящимъ странничествомъ во гладѣ и хладѣ. Но и среди туги сей, среди хлада и голода, Ангелъ Хранитель не допустилъ мнѣ озрѣться вспать, подобно женѣ Лотовой. Спасаясь отъ тревоженій міра, я едва не погрязъ въ волнахъ Десны рѣки, рѣшась вѣрить себя для переправы чрезъ рѣку разлившуюся малому челноку и ребенку-кормчому. (Установленная переправа, по причинѣ сильнаго двухдневнаго вѣтра, прекращена была вовсе). Смерть потопная была на волосѣ, и я уже приготовился ее встрѣтить, призывая милосердіе Божіе. Ловкость ребенка-кормчаго, его мужественное приказаніе мнѣ: „Закрой глаза и ницъ наклонись“, летаніе челнока отъ волнъ во всѣ стороны—неизгладимы въ душѣ моей, выну за спасеніе сіе Господу Богу и Ангелу Хранителю благодарной! Взошедъ на гору, я увидѣлъ печерскую, Брянскую обитель, въ которую шествовалъ..... Но, по дѣйствию разстлѣнной природы моей и, конечно, по козни вражіей, обитель печерская вовсе не такъ представилась мнѣ, какъ Болховская: сія краше всѣхъ красотъ мірскихъ мнѣ казалась, а та—Брянская—страшною до того, что, взглянувъ на нее, я упалъ подъ многовѣковымъ дубомъ и съ мѣста не могъ сдвинуться—дотолѣ, пока весь выплакался и изнемогъ отъ воплей къ Господу, доселѣ ощутительно ведшему меня, такъ сказать, за руку, а теперь оставившему меня одного. Чего не передумалъ я и не почувствовалъ въ эти страшные часы! Возвратился бы, но рѣка, а болѣе нѣкая сила не позволяли мнѣ сдѣлать ни одного обратно шага. Наконецъ, побѣда надъ страхованіями разными и надъ малодушіемъ одержана, съ помощію благодати, и борьба въ духѣ кончилась. Я всталъ и пошолъ ко вратамъ святой обители. Не смѣя войти, сѣлъ на лавочкѣ, ожидая: не

выдетъ ли кто изъ братіи и не введетъ ли меня внутрь крѣпкихъ стѣнъ ея? Вышелъ послушникъ, и я попросилъ его довести меня до Смарагда (къ іеромонаху Смарагду имѣлось письмо). „Пожди, пока возвращусь оттуда, куда иду“ былъ отвѣтъ его мнѣ. Пождавъ не мало, и мокрый, и озябшій, и голодный, я, наконецъ, введенъ внутрь обители. Вошедъ въ нее, я шелъ до Смарагда, съ великимъ страхомъ представляя свои немощи и суровость инока старца... Но какъ я изумился, увидавъ въ Смарагдѣ ласковаго, радушнаго, веселаго, разговорчиваго человѣка. „Ты голоденъ, сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, я сведу тебя въ трапезу: подкрѣпись, потомъ представлю тебя игумену“. Это было въ среду на третьей недѣлѣ святой Четырехдесятницы. Отецъ игумень Амвросій принялъ меня съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ... и, не разъ прочитывая въ билетѣ слова — инспекторъ и учитель въ число послушниковъ, долго истязалъ меня... Наконецъ, позвавъ Смарагда, отдалъ меня въ его полное, старческое распоряженіе и сказалъ мнѣ, чтобы я повиновался ему, какъ самому Христу и велѣлъ поклониться въ ноги... Монастырскія послушанія отецъ Смарагдъ назначалъ мнѣ по порядку, возводя отъ нижнихъ — чернорабочихъ, кухонныхъ и дворныхъ — къ высшимъ, церковнымъ. Переводъ отъ одного послушанія къ другому онъ производилъ съ замѣтною, но непонятною для меня поспѣшностію. Въ четыре мѣсяца я уже сталъ на пономарскую вакансію въ ранней литургіи и думалъ про себя, что въ этомъ дѣлѣ оставаться бы хотѣло до смерти“.

Обитель печерскую и данную ему въ ней келлію любитель иноческой жизни чаялъ имѣть своимъ гробомъ, но Промыслъ Божій судилъ иначе. Въ одинъ день посѣтилъ послушника Иродіона старецъ Смарагдъ не въ обычное свое время и сѣвъ говоритъ: „вотъ ты кончилъ уже курсъ послушническій, хотя въ малѣ потрудишься почти въ каждомъ послушаніи. Теперь тебѣ

предлежитъ иное дѣло, иное послушаніе, иной курсъ, отъ котораго ты уклонился и отвилялся разными своими и сторонними способами. . . . Какой? Академическій. Я уже приготовилъ все для отправления тебя въ Московскую Академію. Горько возкорбѣлъ Иродіонъ и началъ всячески просить старца, чтобы онъ не разлучалъ его съ Обителею. „Помни, отвѣчалъ онъ, въ какомъ повиновеніи послушникъ долженъ быть къ старцу и не пререкай“. Возвращеніе въ міръ, пишетъ Преосвященный Іеремія, изъ котораго выйдти мнѣ было труднѣе, нежели Израилю изъ Египта и обращеніе къ школьнымъ занятіямъ, которыя въ пылкомъ юношѣ раждали одну гордыню и продерзливость и изъ которыхъ ничто почти не пошло въ дѣло въ новой моей жизни, — мнѣ казалось ужаснымъ до того, что я внутренно огорчился на старца. Зачѣмъ же я и изъ мірской жизни удалился, думалъ я? — Зачѣмъ столько вытерпѣлъ внутри и внѣ себя? — И не скажутъ ли теперь мои друзья, знакомые и родители, что я взялся за рало и всячь возвращаюсь, по малодушію. . . . Я повиновался. Но по устроенію моего друга и товарища Иннокентія (Борисова), или лучше по устроенію Всеблагаго Промысла Божія, милосердовавшаго о Немъ при его высокихъ дарованіяхъ, и о мнѣ по моей слабости, вышло изъ Коммисіи духовныхъ училищъ, чтобы я былъ отправленъ въ Санкт-Петербургскую Академію, гдѣ Иннокентію предлежало быть Боккалавромъ по Богословской кафедрѣ“. Такимъ образомъ, проведенный чрезъ все послушанія монастырскія, волею и распоряженіемъ старца — іеромонаха Смарагда, съ согласія и благословенія Преосвященнаго Гавріила и игумена Амвросія, молодой послушникъ Иродіонъ Соловьевъ отправленъ былъ, вслѣдствіе требованія коммисіи духовныхъ училищъ, въ Санкт-Петербургскую Духовную Академію, на казенный счетъ. Въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, 21 ноября 1824 г., постриженъ былъ въ монашество, съ именемъ Іереміи, въ Академической церкви, ректоромъ Академіи,

Преосвященнымъ Григоріемъ, Епископомъ Ревельскимъ (впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій). Въ день Рождества Христова, въ томъ же году, тѣмъ же Преосвященнымъ въ Казанскомъ соборѣ рукоположенъ въ іеродіакона. Въ 1827 году 14 августа Архіепископомъ Рязанскимъ Филаретомъ (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій) въ церкви Псковскаго подворья, что на Васильевскомъ островѣ, рукоположенъ въ іеромонаха. Въ три года своего пребыванія въ Академіи, студентъ Іеремія Соловьевъ постоянно делѣялъ въ себѣ мысль и желаніе, по окончаніи академическаго курса, опять возвратиться въ свою келлію, — объ одномъ этомъ помышлялъ и въ классѣ и внѣ онаго, и къ монастырскому житію уготовлялся и, чѣмъ можно было, для сего запасался, слушая и читая. И объ этомъ своемъ намѣреніи, за нѣсколько недѣль до окончанія курса, объявилъ и своимъ товарищамъ и начальству, прося оное не удостоивать его никакой академической степени. Но и тутъ вышло на дѣлѣ иное, нежели что предположилъ себѣ студентъ Іеремія Соловьевъ. Преосвященный Филаретъ, присутствовавшій тогда въ Святѣйшемъ Синодѣ, узнавши о намѣреніи Іеромонаха Іереміи возвратиться въ монастырь, пригласилъ его къ себѣ и не только не укорилъ за неискательство и не пожеланіе степени, но и похвалилъ, предложивъ ему на время переселиться въ Псковское подворье и заняться вмѣстѣ съ Владыкою святыми отцами и поруководствовать учениковъ-пѣвчихъ въ ихъ ученіи“. Я съ радостями многими согласился на это предложеніе, пишетъ Преосвященный Іеремія, взирая на Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, какъ на Святаго, — давно мнѣ извѣстнаго подвижника Инока-Святителя; притомъ онъ былъ лѣтъ нѣсколько Игуменомъ той Обители, которая содѣлалась мнѣ второю матерію — свѣтской. Объявивъ о семъ Иннокентію, который также обрадовался потому, что ему и мнѣ не хотѣлось разлучиться, и Ректору, я приготовился къ перемѣщенію изъ